

Лин Си всегда был уверен в себе, и каждый раз, выставляя на стол свое фирменное блюдо из яиц, он обязательно спрашивал мнение Лу Сяояня:

— Вкусно?

Лу Сяоянь, естественно, не оставлял ему никакой лестии:

— Как дерьмо, как это можно есть?

После бесчисленных попыток Лин Си наконец принял реальность, что его кулинарные навыки оставляют желать лучшего. Теперь, когда они оставались дома завтракать, он спрашивал Лу Сяояня:

— Сегодня хочешь попробовать яйца-дерьмо?

Это звучало как шутка, но он говорил это с такой серьезностью, что у Лу Сяояня моментально пропадал аппетит даже к сухому тосту. К счастью, у Лин Си было лицо, которое можно было есть глазами, и это компенсировало двойной удар по зрению и вкусу, который получал Лу Сяоянь.

Лин Си также считал, что совет Лу Сяояня был разумным. Он никогда не брал в руки ни нож, ни лопатку для жарки, и хотя у него было желание помочь, он боялся, что может только навредить. Поэтому он тщательно вымыл руки и расставил посуду на столе в идеальном порядке.

Он был человеком с особыми привычками, и все должно было быть сделано строго по правилам: суповая миска должна быть слева от тарелки, расстояние между посудой и краем стола должно быть одинаковым, палочки для еды должны лежать под одинаковым углом на тарелке, и ни в коем случае нельзя ошибиться.

Лу Сяоянь знал, что у Лин Си есть такие странные привычки, и намеренно подошел к столу, легонько ткнув пальцем, чтобы сдвинуть аккуратно расставленные палочки для еды. Лин Си, закончив с одной частью стола, поднял голову и заметил, что в другом месте что-то не так. Думая, что это его ошибка, он снова подошел и аккуратно расставил все, как было. Его лицо было сосредоточено, шея слегка наклонена, пальцы тщательно выравнивали каждую деталь. Длинные ресницы отбрасывали густую тень на его глаза, время от времени слегка вздрагивая, что вызывало желание потрогать их.

Неизвестно почему, но Лу Сяоянь не мог удержаться от того, чтобы поддеть Лин Си. Он снова, пока тот не заметил, быстро протянул руку и сдвинул другую пару палочек. На этот раз он не успел убрать руку, как Лин Си поймал его на месте. Даже не глядя, Лу Сяоянь чувствовал, как большие глаза Лин Си пристально смотрят на него, не моргая, с выражением сомнения, недоумения и, возможно, даже легкого презрения. Немного смутившись, Лу Сяоянь быстро вернулся к своему обычному виду, насвистывая, сел на диван и закурил. Через некоторое время он украдкой взглянул на Лин Си, и, к счастью, тот не стал углубляться в это, продолжая упорно регулировать угол палочек для еды.

А Мо задержался, и Линь Гуанлэ постоянно жаловался на голод, поэтому, как только еда была готова, Дай Чжию позвал их всех поесть. Видя, что Лин Си сосредоточенно ест, Линь Гуанлэ, желая проявить гостеприимство, хотел положить ему еду в тарелку, но, едва протянув руку, был остановлен свирепым взглядом Лу Сяояня. Его палочки дрогнули, и кусочек овоща «шлепнулся» обратно на тарелку.

Лу Сяоянь с отвращением поднял этот кусочек и переложил обратно в тарелку Линь Гуанлэ, затем взял еще один и положил в тарелку Лин Си:

— Ешь медленно, у Дай Чжию золотые руки. В то время как другие учили юридические статьи, он учил рецепты, и у него куча сертификатов.

Увидев, что Лин Си полностью доел две тарелки риса, Дай Чжию, боясь, что тот не наелся, взял кусочек яичного пирога и протянул ему:

— Это я купил в старом магазине «Лунфэн» в западном районе, там каждый день ограниченное количество, такого больше нигде не попробуешь, попробуй.

Яичный пирог был приготовлен на свином жире, с яркой корочкой и аппетитным ароматом, но на нем был тонкий слой кунжута, который Лин Си не мог есть. Прежде чем он успел отказаться, Лу Сяоянь уже оттолкнул руку Дай Чжию:

— Это он не может есть...

Затем, заметив удивленное выражение на лице Лин Си, он понял, что сказал лишнее, и быстро добавил:

— Ты же говорил в прошлый раз, что у тебя аллергия на кунжут, и такие вещи нельзя есть.

Лин Си слегка нахмурился, долго смотрел на Лу Сяояня, словно хотел что-то сказать, но в итоге промолчал. У него с детства была отличная память, он помнил все: время, место, слова. Тем более он не любил обсуждать слишком личные темы. Очевидно, Лу Сяоянь солгал, но Лин Си решил, что нет необходимости разоблачать его. Независимо от того, откуда Лу Сяоянь узнал об этом и с какой целью, если это не было злым умыслом, он не стал бы на это обращать внимание.

После смерти дедушки Лин Си постепенно понял, что жить одному — это не одиночество. Настоящее одиночество — это когда никто не заботится о твоих нуждах, радостях и печалях. Дети плачут, когда падают, потому что тогда кто-то прибежит и утешит их. Если же никто не обращает на тебя внимания, у тебя даже нет права плакать. Быть понятым и заботящимся — это большое счастье...

После ужина Лин Си собирался прогуляться до подножия горы и сесть на автобус домой, но, едва выйдя за дверь, его сразу схватил за плечо Лу Сяоянь и потащил в машину.

По дороге Лу Сяоянь не мог удержаться от того, чтобы поинтересоваться жизнью Лин Си:

— Как дела в последнее время? Те парни снова тебя беспокоили? Не связывайся с ненужными людьми, просто занимайся своими делами. Не забудь хорошо есть каждый день, не экономь время, питаясь только лапшой быстрого приготовления, это не питательно. Если не хватает денег, позвони мне, не стесняйся, мы же друзья...

На все эти вопросы Лин Си не отвечал, и только в конце тихо пробормотал:

— У меня есть зарплата, я работаю в Хуэйту.

Лу Сяоянь был недоволен его отношением:

— Я сказал, ты должен слушать и делать, как я говорю. И еще, меньше общайся с А Лэ. Ты его

всего несколько дней знаешь, как ты можешь просто бегать с ним по всему миру? Не боишься, что он тебя продаст?

Лин Си также был недоволен отношением Лу Сяояня:

— Я не знаю, какой он человек, но он любит музыку и активный отдых, и мы хорошо ладим. И, судя по тому, как он разукрасил свою машину в такие яркие и детские цвета, его душа не может быть слишком мрачной.

Слыша, как Лин Си называет Линь Гуанлэ «Лэ-гэ» и говорит о нем только хорошее, Лу Сяоянь почувствовал легкую зависть, и его тон стал раздраженным:

— Лэ-гэ, Лэ-гэ, вы уже близкие друзья?

Лин Си повернулся к нему, опустил глаза и замолчал.

После долгого молчания Лу Сяоянь не выдержал и спросил:

— Почему ты не говоришь?

Лин Си с сожалением ответил:

— Ты же не хочешь слушать.

— Нет, я хочу слушать! — быстро возразил Лу Сяоянь. — Я просто говорю, что ты все время говоришь о Лэ-гэ, можешь поговорить о чем-то другом?

Лин Си подумал и с грустью сказал:

— То, о чем я говорю, тебе, вероятно, не интересно...

В машине играла музыка, и как раз включилась песня, которую Лин Си очень любил. Он сразу оживился:

— Может, я спою тебе!

И он начал петь, полностью погрузившись в музыку...

У Лин Си был уникальный голос, его произношение было четче, чем у большинства, и он легко справлялся как с высокими, так и с низкими нотами, не прилагая усилий. Слушая его, Лу Сяоянь тоже невольно начал подпевать.

Но он спел всего несколько строк, как Лин Си остановился и, с укором глядя на него, сказал:

— Лу Сяоянь, ты сбился с ритма.

Лу Сяоянь был в замешательстве:

— Я просто напеваю, не нужно быть таким серьезным. Я же не певец.

— Но я певец! — Лин Си сжал губы, и на его щеке появилась ямочка.

Глядя на такого Лин Си, Лу Сяоянь не мог понять, что он чувствует: с одной стороны, он считал его невыносимым, с другой — чувствовал, как в нем зарождается любовь. В итоге он

сдался:

— Ладно, ладно, ладно, скажи, как петь.

Лин Си сидел и ждал, пока закончится проигрыш, затем, жестами указывая Лу Сяояню:

— Слушай мой счет, раз, два, три, начинай...

Лу Сяоянь не стал петь, он повернулся и уставился вперед, не желая смотреть на Лин Си. Эта настойчивость Лин Си только укрепила его уверенность в том, что, как раньше, так и сейчас, Лин Си был глупцом, и эта глупость, вероятно, была заразной.

Да, как же стыдно! Как можно быть таким глупым! И он сам стал таким глупым... Но в то же время он был так счастлив...

<http://bllate.org/book/16461/1493776>